

Ворошилов В. Я.

Фото Владимира Дозорцева.

Владимир Ворошилов:

«6-й ДОЛЖЕН БЫТЬ

ДУРАК»

— Владимир Яковлевич, вы столько лет играете. С чего бы это: в детстве недоиграли или, наоборот, так разыгрались тогда, что теперь уже не можете остановиться?

— Вообще-то я не играю ни в какие азартные игры — ни в карты, ни в домино, ни даже в теннис. Вот игра ума, игра воображения — это мне интересно. И кстати, она более азартна. До обмороков, до потери сознания. Вспомните Германа в «Пиковой даме», там игра на жизнь.

По первой профессии я живописец-портретист. С детства мечтал стать художником, учился сначала в художественной школе, затем в Академии художеств, которую окончил с отличием. По распределению попал в один театр в Берлине, где начал работать художником-постановщиком, а маляром у меня был известнейший русский художник Родченко, эмигрант. Когда я увидел, как он пишет, я понял, что все, чему меня учили, за что дали красный диплом, — это только минус, а не плюс. Я стал видеть по-другому, а рука автоматически работала так, как ее поставили. Мы изучали разные системы — не только живописи, вообще искусства, стремились следовать одному направлению, то другому, а Родченко рассказал мне однажды свою систему, простую и гениальную. Он сказал: «Ты берешь чистый лист бумаги, и если видишь на нем точку — поставь точку. Если видишь линию — проведи линию. Но если ты ничего не видишь — не порть бумагу». Я бросил живопись, но до сих пор живу по той системе — это, если хотите, мои правила игры. Прежде чем что-то строить, создавать, я должен увидеть, услышать хотя бы несколько фрагментов еще не построенного. Если же пытаешься творить умозрительно — это провал. Вот вы знаете, как пойдет наш разговор?.. Ну, тогда ничего у вас не получится.

— Давайте попробуем... Для начала — как она начиналась, ваша игра? Вы бросили живопись и придумали «Что? Где? Когда?»

— Нет, потом я поступил на Высшие режиссерские курсы, окончил их и получил приглашение в один московский театр. На работу надо было выходить с сентября, и у меня оставалось два месяца лета, которые я решил провести с толком. Устроился пока на телевидение. Это было в 67-м. С тех пор я на ТВ. Вы спрашивали про «Что? Где? Когда?»

Однажды шел на день рождения к одному маленькому человеку, зашел в игрушечный магазин и увидел волчок. Не знаю, почему он так приковал мое внимание, но я купил сразу два. Один подарил, а другим стал играть сам. Приходил с работы и играл. Так и получилась игра. Случайно? Не знаю. Марк Захаров однажды мне сказал: «Нет, все-таки какой замечательный волчок, как это вы гениально придумали». Смотрите, Захаров в этот волчок вложил всю игру, а для кого-то это просто оформление. С тех пор

прошло шестнадцать лет, и я еще больше убедился, что человек должен играть в жизни, он должен жить играючи. И эту игру надо создавать самому, ее ведь так мало в жизни.

— Как, разве наша жизнь — не игра и Герман, которого вы упомянули, не прав?

— Нет, конечно. Раньше, когда-то, может, так и было, но сегодня нет. Жизнь наша скучна до ужаса, она настолько однообразна, нелогична, она подчинена таким диким законам, что получается антижизнь какая-то. Если поставить ее в каком-нибудь театре, то люди просто не пойдут смотреть, а если вдруг случайно и посмотрят, то скажут: «Боже, какой абсурд! Боже, как это скучно!» Людей, способных играть в жизни, очень мало, и я тоже в этом смысле слабый игрок. Мне легко со знатоками, они понимают меня, я понимаю их, у нас общие правила игры. Но когда я иду к начальству, еще в какие-нибудь организации — наталкиваюсь на целый свод правил, которых не понимаю. Если это и правила, то правила каких-то кабинетных игр. Мне не постичь их никогда, я уже столько раз терпел поражение, что потерял надежду.

А есть люди, которые, как говорится, начинают и выигрывают. Я до сих пор удивляюсь, да нет, я просто восхищаюсь победой одного чиновника. Мы делали нашу передачу в одном уютном домике на улице Герцена. Оборудовали зеркальный зал и, хотя он был совсем крошечный, очень любили его. Собственно, этот домик назывался как-то очень длинно и умно, а если попросту, это был центр досуга молодежи. И был назначен в этот центр новый директор, кажется, его «спустили» туда из горкома комсомола. Приходит он ко мне однажды и говорит: «Очень жаль, но нам придется расстаться». Оказывается, свою деятельность на поприще культуры и досуга он решил начать... с ремонта.

Я удивился: зачем расставаться, мы поможем сделать ремонт, средства есть, рабочая сила, в конце концов, тоже — можно сделать все очень быстро. Но в том-то и был секрет, что ему быстро — не надо. Время еще не очень устоявшееся, молодежные пристрастия высшими указами не закреплены, то ли рок в этот центр досуга пускать, то ли бальные танцы — самому не решить. Вот и надо, значит, закрыть центр на перманентный ремонт, а там, глядишь, его самого куда-нибудь переведут, пересадят. Чтобы долго не вдаваться во все перипетии, скажу только: проиграли все — мы, болельщики наши, горком партии, принявший специальное постановление в нашу поддержку, «Литгазета», которая за нас заступалась, миллионы

зрителей (их, слава богу, у передаче пока немало) — а он победил. Да здравствует карьера одного комсомольского работника! Это же просто играшка какие-то.

— Но этот работник следовал как раз своим правилам. Все эти люди играли именно так семьдесят лет кряду. И если изменить правила...

— Не изменить — создать, придумать. Новые. Вы посмотрите, какие у нас все стали злые, ненавидят друг друга, эти межнациональные распри... Почему? Да потому, что не те правила, потому, что та игра, которую придумали в 1917 году, не пошла. А насильно заставить играть нельзя. Вот людям и стало неинтересно работать, любить, творить — жить, в конце концов. Надо, пока не поздно, создавать другую игру, по другим правилам, и делать это должны профессионалы. Люди, которые руководят государством, должны иметь талант.

— Талант игрока?

— Да, и этот тоже. Чтобы хотя бы элементарно просчитывать ходы, а не метаться от одного решения к другому. Вот смотрите: шестерка игроков. Как здесь распределяются роли? Самые ценные участники — это генераторы идей. Они могут придумать совершенно необычный поворот, нетривиальное, парадоксальное на первый взгляд решение. Должна быть и пара эрудитов, которые тут же начинают все эти безумные идеи проверять с научной точки зрения. Должен быть диспетчер, который регулирует игру, не дает мячу упасть. Мысль во время обсуждения, как пинг-понг, перебарывается от одного к другому, и если она упадет — все кончено. Вот тут-то и приходит на помощь шестой. Шестой должен быть дурак. Дурак — незаменимый человек в команде, он поддерживает настроение, и, когда обсуждение заходит в тупик, когда исчерпаны все резервы, все силы, дурак лепит все что попало, как говорится, от балды, и этим разряжает обстановку, снова подбрасывает мячик.

— Но если он так будет «лепить» все время и мешать команде?

— А тогда на него просто никто не обращает внимания. Вот когда все замолкают, когда никто уже не может...

— Кажется, я начинаю понимать, кого нам не хватает, чтобы сделать нашу жизнь «правильной». Похоже, скоро придется всем миром отправляться на поиски дурака.

— Боюсь, что вы уронили мячик. У нас, наоборот, слишком много дураков, пропорции опять нарушены. Я смотрю сейчас за всем, что происходит вокруг, и просто не могу оторваться — от газет, телевизора, всех этих съездов, сессий, дебатов. Это такое пособие по антиигре, примеры того, как нельзя играть... А люди смотрят и думают, что игра не идет потому, что не те люди. Но вот приходят другие, и игра снова не идет, и так много десятиков лет.

Вот у меня в клубе была любимая команда. Она играла для красоты. Это были очень умные люди, двое из них

Долгое время он оставался за кадром, и только в титрах в самом конце передачи можно было прочитать его имя. Теперь, на излете популярности той старой передачи, на подступах к популярности новой, он перестал быть инкогнито. Но его по-прежнему все любят. Он главный специалист по игре в нашей стране, поэтому за ответом на старинный вопрос «Что наша жизнь — игра?» я и обратилась к ведущему телепередачи «Что? Где? Когда?»

Владимиру Яковлевичу Ворошилову.

В ДЕСЯТКУ

сейчас преподают в Америке, почти все они имеют научные труды. Но когда попадался вопрос только на знание — они считали ниже своего достоинства отвечать банально. И если в вопросе не было игры, они сами ее придумывали. Для них важнее было ответить неправильно, но красиво, и выиграть они хотели не за счет знаний... Смотрю сегодня на нашу жизнь: много начитанных, эрудированных людей, но эрудиция им только мешает. Это ведь лишь фундамент, на котором строится остальное, она может быть минимальна, а все остальное — это полет ума, воображения. Вот таких бы игроков нам побольше. Это же так все просто.

— Вы любитель простых ходов в игре?

— Но они самые трудные, понять их, создать — вот смысл жизни. Знаете, есть прекрасная формула Мейерхольда. Чтобы добиться художественного эффекта, надо представить дробь: в числителе этот эффект, а в знаменателе средство, потраченное на достижение эффекта. Чем больше средств потрачено, тем меньше результат. Вот вы поставили перед собой какую-то цель, задачу. А теперь посмотрите, сколько вам на это потребуется средств, энергии, ума, души. Соотнесите свои затраты с результатом и, если вы увидите, что они больше, плюньте на это дело, ничего у вас не получится. Не те пропорции. Посмотрите на наше сельское хозяйство. Ему опять нужен миллиард.

— Но, простите, мне кажется, что вы-то как раз тратите сегодня очень много сил на свою передачу. «Что? Где? Когда?» в последнее время без конца меняется. Стоит мне хоть раз пропустить одну передачу, как я уже ничегошеньки не понимаю в следующей. Куда подевались все эти умильные призы, похожие скорее на рождественские подарки, будто их не упаковывали в обычный почтовый конверт, а перевязывали розовыми ленточками? Где эта замечательная бабушка, которую так все любили? Зачем, отчего столько лишних забот, изменений?

— Это от слабости. Я не нашел пока тех простейших правил, законов, чтобы можно было сказать: вот это наконец то, что неизменно, то, что называется классикой. Действительно, устоявшаяся игра была всем привычна, приятна, на ней можно было бы и остановиться. Но жизнь-то идет вперед, и то, что вчера казалось сильным, смелым, сегодня отдает сусальностью. Все эти призы, эта, как вы говорите, бабушка, которую я очень люблю и которая сильно переживала, что игра стала проходить без нее, никак не соединяются с нашей жизнью сегодняшней. И когда мы стали пробовать новое, быстро почувствовали, что зритель недоволен. Он по природе своей очень консервативен, и что-то новое для него большое неудобство. Он злится, раздражается. Знаете, как звенки ловили нерпу? Они выплывали в океан на своих кораблях, ставили патефон и заводили пластинки с хорошей музыкой. Нерпа, услышав музыку, всплывала, и в этот момент ее глушили. Так и со зрителем, простите мне такое сравнение. Чтобы удержать его, надо, чтобы внимание его «всплыло», чтобы он обратил это внимание на что-то новое, необычное, тогда есть шанс его победить. Пока наш последний козырь — мое появление на экране — обеспечил нам выигрыш. Но это, к сожалению, сиюминутный выигрыш. Дальше снова надо думать, искать. Впрочем, это уже профессиональные секреты.

— Вы, оказывается, играете еще и со зрителем?

— О, зритель — это самый страшный противник, он гораздо сильнее, он почти непобедим, это просто монстр какой-то. Но этим-то он и интересен. Даже маленькая победа над ним — огромное счастье.

— А вам самому никогда не хотелось сесть за игровой стол?

— Какая разница, где я сижу? Знаю, что играю со мной, они стараются победить меня, а я — их. Они знают все мои ужимки, повадки, знают, в каком я настроении, угадывают мою интонацию. Раньше, шестнадцать лет назад, я ведь был в кадре. И что получалось? Вместо того чтобы думать в минуту обсуждения, все шесть знатоков смотрели только на мое лицо, стараясь угадать, правильно ли они отвечают. Я сел за ширму. Тогда они выстроили целую цепочку, и крайний в этой цепочке опять-таки смотрел на меня, передавая все нюансы моей мимики остальным. Вот тогда-то я сел в дикторскую и запер дверь.

— Но с кем же тогда играют зрители?

— Также со мной. Игра — это ведь прямая, непосредственный контакт. Вот мы сейчас с вами разговаривали, я играл с вами, хоть вы и представляете газету. Читатели или ваша редакция — это те же болельщики. Но, Таня, вы же совершенно не игрок, как вы собираетесь писать эту беседу?

Татьяна Волошина.